

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, НАРОД И ВЛАСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

© 2012 г. Людмила Юрьевна Грудцына¹, Семен Михайлович Петров²

Достоинство государства зависит в конечном счете от достоинства образующих его личностей.

Д. Милль

Краткая аннотация: государство является необходимым фактором создания и самого факта существования гражданского общества. Если не будет силы и государственной воли (принуждения) в определенных вопросах общественной и экономической жизни – все скатится к беспорядкам и хаосу. Не в последнюю очередь это касается среднего класса и гражданского общества – саморегулируемой экономической силы и сложной системы, нуждающейся в постоянном контроле со стороны государства.

Annotation: the state is the necessary factor of creation and the fact of existence of a civil society. If there will be no force and the state will (compulsion) in certain questions of public and economic life – all will roll down to disorders and chaos. Not in the last instance it concerns middle class and a civil society, self-adjustable economic force and the difficult system needing constant control from the state.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, права человека, семья, частный интерес, правопорядок, демократия, экономический кризис, народ, нация, население.

Key words: the state, a civil society, human rights, a family, private interest, the law and order, democracy, an economic crisis, the people, the nation, the population.

К постановке проблемы

Многочисленные научные публикации о гражданском обществе и интерес, проявляемый научным сообществом к вопросам формирования и развития в России институтов гражданского общества явно вызваны политическими и экономическими процессами, происходящими в России в последнее время. Вместе с тем, зачастую рассуждения о гражданском обществе являются идеалистичными по сути и во многих аспектах не затрагивают, на наш взгляд, реалий современного российского общества, соотношения и взаимоотношений народа как основы зарождения и развития понятия “гражданское общество” (в его классическом европейском понимании) и институтов гражданского общества. Важную роль в этом процессе (особенно – применительно к российской модели государственного управления) играет власть (государство), посредством которой (“сверху” – в традиции, далекой от классических канонов) в России последнее десятилетие

делаются попытки (имитации) создания в стране гражданского общества.

Этот феномен заставляет обратить особое внимание на проблему соотношения народа, гражданского общества и власти, довлеющей над ними, а потому – во многом тормозящей общий демократический процесс развития и саморазвития негосударственной сферы жизни общества, а также иных сфер, излишне контролируемых государством, которые могли бы в силу своей природы и общеисторического процесса развиваться самостоятельно, без властного контроля.

Изучать гражданское общество в отрыве от государства точно так же, как государство, в отрыве от гражданского общества – бесполезно. Ведь само гражданское общество – это не что иное как порождение государства, которое немислимо без существования последнего точно так же, как и государство – суть порождение гражданского общества. Именно в гражданском обществе формируются общезначимые интересы, которые в идеале являются своего рода “материей”, из которой строится государственная власть.

Иное дело, что именно представляет собой гражданское общество. Ведь это отнюдь не то, что формально выходит за пределы государственных структур. Если наблюдается “огосударств-

¹ Профессор Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент, почетный адвокат России (E-mail: ludmilagr@mail.ru).

² Профессор того же университета, доктор юридических наук (E-mail: semen_petrov@mail.ru).

ление” общественных институтов, то граница, разделяющая общество и государство, становится аморфной и в той или иной мере смещается в сферу государственной власти (по Гегелю: власти как “неизбежной необходимости” существования гражданского общества³), формируя в ней псевдообщественные институты.

Примером таких институтов могут служить КПСС и советская номенклатура, где в действительности и формировались интересы, на основе которых строился и функционировал государственный аппарат и само государство. Такого рода политический конгломерат появляется всякий раз, когда из-за волевых действий власти, осуществляемых на фоне слабости демократических институтов, естественные границы гражданского общества смещаются, а развитие самих институтов оказывается заторможенным⁴.

Объективно складывающееся положение дел тщательно камуфлируется властью, которая инициирует и создает типовые структуры конституционной модели гражданского общества “сверху”, а не “снизу”, как это можно видеть в классических образцах, сформулированных в научных трудах и реализованных на практике в развитых европейских странах, но с учетом того, что в силу могущества нынешней властной вертикали и слабости этого искусственно формируемого гражданского общества его объективный потенциал в значительной мере перемещается в сферу государства и жестко контролируемых им областей государственного управления. Как раз в силу этого искусственно создаваемые государством конституционные институты гражданского общества оказываются изначально обескровленными и весьма пассивными, что проявляется в слабой политической активной и низкой политической самостоятельности подавляющей части населения страны. То, что слишком активно, власть или подавляет, или эффективно регулирует, а то, что пассивно, она поддерживает, возмещая необходимую для демократической страны инициативу граждан инициативами самой власти, в пользу ее основной партии и вырастающих вокруг нее формально неформальных структур и движений, которые повсеместно именуют прокремлевскими.

³ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 225.

⁴ В современной России это можно наблюдать на примере партии власти – “Единой России”, основу которой составляет все та же номенклатура, но уже нового вида. В данном случае сегодня мы можем предметно и в динамике наблюдать еще один пример проявления объективных взаимозависимостей, в которых находятся гражданское общество и государство.

Фактом является то, что государство возникает из множества самых разных индивидов, существующего в виде членов семей и членов гражданского общества. Но, возникнув и укрепившись исторически, государства в мире становятся сильными субъектами, управляющими проживающим на территории государства населением, регулирующими множество общественных, социально-экономических процессов, происходящих в государстве. Теперь можно признать следующее: государство является необходимым фактором создания и самого факта существования гражданского общества. Если не будет силы и государственной воли (принуждения) в определенных вопросах общественной жизни, все скатится к беспорядкам и хаосу. Не в последнюю очередь это касается гражданского общества, саморегулируемой системы, нуждающейся в постоянном контроле со стороны государства.

Все это лишь демонстрирует ту же объективную взаимосвязь государства и гражданского общества применительно к особым примерам. Воистину гражданское общество и государство представляют собой единство и борьбу противоположностей. “В гражданском обществе каждый для себя – цель, – отмечал Г.В.Ф. Гегель, – все остальное для него ничто”⁵. Или: “Гражданское общество является аренной борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех”⁶. И как раз эта-то война, которая сама – следствие социального единства и вытекающих из него ограничений, рождает необходимость мощного интегрирующего начала, коим и является государство.

Позже эти идеи развил К. Маркс: “Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни, ведет двойную жизнь: жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил”⁷.

Здесь речь идет (в том числе) о самоидентификации, кризисе идентичности индивида: на Западе этот кризис стал следствием процесса

⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 228.

⁶ См.: там же. С. 330. Гегель здесь использует известную характеристику Т. Гоббсом естественного состояния, которое, по его определению, есть “война всех против всех”.

⁷ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 390, 391.

индивидуализации (вторая половина XX в.), в России – следствием глубокого общесоциального и политического кризиса (90-е годы). Нельзя в принципе установить четкого различия между членом гражданского общества и гражданином государства. Почти каждый гражданин государства является одновременно членом семьи, частью гражданского общества и так или иначе участвует в политической жизни общества, сталкивается с государством в лице органов государственной власти. Гражданское общество рассматривается Гегелем как сфера понятия государства и именно как сфера его конечности. К. Маркс указывал (правда, в ранних произведениях), что государство выступает для гражданского общества как его “внешняя необходимость”⁸. Жизнь гражданского общества немыслима без государства, опосредованно или прямо устанавливающего рамки формирования и развития общественной жизни. Именно это и задает предпосылки не двойственности, но двуединства индивида – как члена гражданского общества и как гражданина государства.

Напротив, К. Маркс акцентирует внимание именно на двойственности: “как член государства, то есть как гражданин, человек воспринимает себя родовым существом. Как лицо частное он принадлежит уже гражданскому обществу – этой “сфере эгоизма, где царит *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех – лат.). Ее сущность выражает уже не общность, а различие”⁹.

Это различие лежит в основе конфликта между государством и гражданскими предпосылками его возникновения, включая материальные – как частную собственность, или духовные – образование, искусство, религию. Есть здесь и другой конфликт, являющийся предметом исследования, главным образом, социологии и политологии, – кризис самоидентификации, возникший в результате изменения социокультурных условий существования и окружающей социальной среды¹⁰ (как правило, изменений негативных, например, экономических, политических, и как следствие, – социальных кризисов). В обществе, где нормы составляющих его групп взаимно не согласуются, любому человеку трудно интегрировать свои

различные “Я-образы” в единое целое. Когда различия слишком велики, человек может страдать от внутренних конфликтов¹¹.

Государство и гражданское общество: теория вопроса

Сколь бы тоталитарным ни было государство, некоторую часть его фундамента составляет гражданское общество – пусть урезанное, ограниченное, задавленное. При всем желании ни один политический строй или режим не в состоянии свести на нет частную жизнь граждан, которая в своих разнообразных проявлениях и составляет то, что ныне принято называть гражданским обществом. Иными словами, нельзя устранить гражданское общество, не устраняя одновременно самого государства. Государство зиждется на интересах, дающих ему связь с объективным миром, через потребности людей. Если чисто теоретически эту связь разорвать, государство потеряет свою материальную плоть и поневоле исчезнет. Даже псевдогражданское общество, сформированное в рамках государства им самим, каким бы масштабным оно ни было, не способно перечеркнуть тот факт, что состоит оно из вполне материальных людей, все потребности и интересы которых объять невозможно. Государство по природе своей стремится и может контролировать лишь всеобщее, но всеобщее к единичному несводимо и из него невыводимо. Аристотелевский парадокс целостности или, говоря языком теории систем, эмерджентность, справедлив для любого целого, в том числе и социального.

Гражданское общество нельзя трактовать как антитезу государства, ибо гражданское общество и государство – это теснейшим образом объективно взаимосвязанные и взаимозависимые социальные и политико-правовые явления, своего рода органический тандем, где движущая роль в развитии тандема в идеале должна принадлежать гражданскому обществу, на стороне которого формирование материального субстрата государства – общезначимого интереса. При слабо развитых институтах демократии или в тоталитарных государствах эта картина оказывается сильно замаскированной: государство как субъект государственного управления оказывает воздействие на гражданское общество (и достаточно активное) как его объект.

Устранение интегрирующего государственного начала, противостоящего индивидуализму

⁸ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. С. 52, 53.

⁹ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу. С. 392.

¹⁰ См., например: Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 159–181.

¹¹ См.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 203.

субъектов гражданского общества, превращает гражданское общество в ничем не связанную совокупность индивидов, что способно привести к воцарению анархии¹². Здесь не будет ни государства, ни гражданского общества. История дает множество примеров, когда из-за ослабления или гибели государства общество погружалось в анархию и смуту со всеми сопутствующими им бедствиями и кровопролитиями. Достаточно вспомнить Россию конца XVI – начала XVII в. Самая яркая иллюстрация из новейшей отечественной истории – перестройка и реформы, которые привели к крушению Советского Союза.

Кстати говоря, современное Российское государство вряд ли можно назвать сильным. Его социалистический предшественник был не в пример мощнее. Слабости нового Российского государства сопутствует аморфность гражданского общества и процесса его формирования. Само же гражданское общество в существенной мере замещается его политическим суррогатом, формирующимся новой номенклатурой в форме создаваемых ею политических псевдообщественных организаций.

Термин “гражданское общество” употребляется в трех основных значениях¹³. В первом случае гражданское (*civil*), цивильное (самоорганизованное) общество противопоставляется нецивилизованному, варварскому обществу. Во втором случае имеется в виду феномен античного полиса – гражданская община. Наконец, в третьем – гражданское общество трактуется как буржуазное общество, в котором сфера частных дел и интересов освобождается от прямого воздействия государственно-властных институтов, становится автономной, непосредственно не зависящей от государства сферой жизнедеятельности людей¹⁴.

Некоторые исследователи феномена гражданского общества выдвигают в качестве наиболее общих идей и принципов любого гражданского общества, во-первых, экономическую свободу, многообразие форм собственности и рыночные отношения, во-вторых, безусловное признание и защиту естественных прав человека и гражданина, предполагающее равенство всех перед законом, в-третьих, наличие правового государства, основанного на принципе разделения и взаимо-

действия властей и невмешательства государства в частную жизнь.

Возникновение современного гражданского общества связано с развитием частной собственности, которая стала стимулом для творческой активности человека, его заинтересованности в развитии производства, основой возникновения среднего класса¹⁵. Отсюда в идеале современное гражданское общество – это свободное, плюралистическое рыночное общество, где нет места режиму личной власти, тоталитаризму, насилию над людьми, где уважают закон и мораль, принципы гуманизма и справедливости, где центральное место занимает человек, гражданин, личность.

Но можно ли утверждать, что человек, гражданин, личность представляют собой в общей совокупности народ? И что есть народ? В чем его отличие от нации, населения, общества? И можно ли считать гражданское общество высшей формой организации народа?

Особый вопрос – о субъектном составе гражданского общества. Можно ли вообще ставить вопрос о том, принадлежит ли тот или иной индивид, гражданин или шире – член социальной общности к гражданскому обществу или нет? Являются ли, например, преступное сообщество и его члены подсистемой гражданского общества или о гражданском обществе можно говорить лишь в позитивном ключе? Особенно актуально эти вопросы звучат применительно к современной общественно-политической ситуации в России, когда чиновничество и чиновники довольно часто противопоставляются населению, гражданам и гражданскому обществу в целом.

Представляется, что постановка вопроса о субъектном составе гражданского общества в принципе не правомерна. Любой человек, входящий в социальную среду, опосредуемую государством, в той или иной мере является и членом гражданского общества, независимо от того, идентифицирует ли он себя с обществом или предпочитает дистанцироваться от общих социальных институтов, как например современная “рублевская элита” или так называемые звезды шоу-бизнеса. И то, и другое достаточно часто совпадают.

Органическое единство гражданского общества и государства – это не органическое единство групп индивидов или власть предержащих и граждан, а единство органически взаимосвя-

¹² См.: Поздняков Э.А. Российское гражданское общество. Иллюзии и реальность // Политический класс. 2006. № 22. С. 6, 7.

¹³ См.: Дзодзиев В. Проблема становления демократического государства в России. М., 1996. С. 162–165.

¹⁴ См.: Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. М., 2005. С. 4.

¹⁵ Подробнее см.: Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Адвокат. 2009. № 8.

занных и взаимопорождающих общественных отношений, с одной стороны, тех, в которых формируется и функционирует государственная власть, а с другой – тех, в которых существуют институты гражданского общества. Настолько, насколько человек включен в функционирование властеобразующих и непосредственно государственных институтов и отношений, настолько он принадлежит государству. Соответственно степень включенности в институты гражданского общества определяет и принадлежность к нему того или иного индивида. Как известно, жить в обществе и быть свободным от него невозможно, точно также как жить в условиях государственной власти и быть свободным от нее нельзя. Член гражданского общества – это человек политический, а человек политический не может не быть членом гражданского общества.

Указанная двойственность любого члена государственно опосредованной социальной общности порождает довольно противоречивые и разные последствия и проявления для граждан, прямо не включенных в функционирование властных структур и для тех, кто им принадлежит. В первом случае единство государственного и гражданского в идеале имеет форму патриотизма и имеет народообразующую функцию. Во втором же, напротив, необходимо создание специальных организационных и правовых барьеров для разделения гражданских и государственных сторон жизни индивида. Иначе государство и политическая власть начинают приватизироваться и втягиваться в сферу гражданского общества, порождая коррупцию и политический олигархат.

Увы, именно это имеет место в современной России. К сожалению, организационные и правовые барьеры, отделяющие частное и государственное, у современных чиновников, которые для государственных служащих имеют форму института государственной, а для муниципальных – муниципальной службы, весьма слабы и свою роль создания эффективного разделения гражданского общества и государства в сфере самого государства пока выполняют весьма слабо. Что касается лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, то здесь единого и действенного института службы вообще не создано, что дает возможность соответствующему классу чиновников активно участвовать в бизнесе и других отношениях гражданского общества, стирая тем самым объективную грань между обществом и государством и порождая все более прогрессирующую коррупцию, кумовство и семейственность вплоть до образования особых по

форме, да и по существу феодальных кланов во властной элите страны¹⁶.

Важно также иметь в виду и то, что отсутствие связей с государством вовсе не означает, что человек полностью принадлежит к гражданскому обществу. Эта принадлежность существует лишь в круге общественных отношений, которые образуют функционирующее и формирующее свои институты гражданское общество. Что же это за отношения? Ответ на этот вопрос следует искать в органическом единстве и взаимообусловленности гражданского общества и государства, где общезначимые интересы и их формирование в гражданском обществе являются субстратом отношений политической власти и государства. Такого рода отношения формируются в результате столкновения частных интересов субъектов, выступая их интегрирующим итогом. Только руководствуясь общезначимыми интересами и согласуя с ними свои частные интересы, человек становится членом гражданского общества.

Поэтому в самом общем виде следует полагать, что гражданское общество есть сфера формирования, существования и развития опосредуемых политической и, в конечном итоге, государственной властью общезначимых интересов и отношений в жизни частных лиц.

О народе и нации

Существует много определений понятия “народ” и взглядов на то, что (и кого) следует разуметь под этим определением. Начнем с конституционно-правовой и политической трактовки понятия.

Итак, согласно “Малой энциклопедии конституционного права”, *народ* – это население страны, организованное в государство; это субъект конституционного права, основной источник и носитель власти. В состав народа могут входить различные исторически сложившиеся на данной территории компактные нации, и тогда употребляется термин “многонациональный народ”¹⁷.

Словарь по конституционному праву определяет *народ* (от древнеславянского – “род”) как совокупность лиц, происходящих от одного предка. Основные законы обычно игнорируют этнический аспект данного понятия, на что нередко

¹⁶ Понятие “элита” употребляется здесь условно, поскольку, увы, большинство ее представителей ничем элитарным себя в жизни не зарекомендовали, а многие и, напротив, отличились на поприще далеко не элитарных деяний.

¹⁷ См.: Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 264.

прямо указывается (например, “Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности” – ст. 8 Конституции 1991 г.)¹⁸.

Идеи признания народа носителем суверенитета и высшим источником власти были разработаны еще в трудах Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других выдающихся мыслителей XVII–XVIII вв. Демократические революции этого исторического периода смели абсолютизм с его теориями божественного происхождения власти и утвердили народ как учредителя государства и носителя суверенитета.

В преамбуле Конституции РФ 1993 г. указывается, что этот документ принимает “*многонациональный народ Российской Федерации*”. Закрепляется также (ст. 3) положение о том, что ее многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону. Упомянутые в Конституции права народа конкретизируются в правах и свободах граждан, которые в своей совокупности и составляют народ. Надо бы заметить, что эта конституционная зависимость довольно жесткая и универсальная: насколько реальны и реализуемы конституционные права и свободы, настолько сформирован и действительно существует субъект конституционного права – народ.

Диалектика гражданского общества и государства в данном случае трансформируется в диалектику народа и государства. Государство может “вбирать” в себя народ, формируя его суррогат, каким, например, был тотально огосударственный советский народ.

Народ и его граждане обладают правом на сопротивление, о чем иногда говорится в конституциях и некоторых конституционных документах (США, Франция, Германия и др.). Например, Декларация независимости США провозглашает: “В случае, если какая-либо форма правления становится губительной..., народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правитель-

ство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье”. Таким образом, официально признается право народа на “перезагрузку” сложившейся политической системы, право народа на новую политическую реальность. Для России понимание этого в ближайшее годы станет важным шагом на пути неизбежного обновления.

В настоящее время в законодательстве России об этом праве не упоминается, однако оно вытекает из природы естественного права и обретает свою силу как юридическая гарантия против узурпации власти.

Итак, в конституционном праве получили отражение следующие аспекты понятия “*народ*”:

1) народ – носитель суверенитета и источник власти (это широко распространенная старая формула, применяемая и в новейших конституциях)¹⁹;

2) народ – субъект конституционного права, обладающий учредительной властью. Этот аспект обычно отражен в преамбулах основных законов. Наиболее известна формулировка Конституции США 1787 г.: “Мы, народ Соединенных Штатов... учреждаем и принимаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки”;

3) народ – это избирательный корпус (например, “Президент Республики избирается народом” – п. 1 ст. 127 Конституции Польши 1997 г.)²⁰.

Обратим особое внимание на тот факт, что народ никогда не был категорией чисто юридической, равно как и человек сам по себе не рассматривается как такая категория.

В философском понимании *народ* – это: 1) исторически изменяющаяся общность людей, характеризующаяся общей исторической судьбой и общей идеей, способная по своему объективному положению решать основные проблемы данного конкретного общества; 2) все население определенной страны; 3) народные массы, включающие на конкретных этапах истории те классы и слои,

¹⁹ Например, согласно ст. 1 Конституции Испании 1978 г.: “Национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, от него исходят полномочия государства”. Именно от имени народа выступают различные органы государства, например осуществляются правосудие (“Правосудие отправляется именем народа” – ст. 101 Конституции Италии 1947 г.), помилование (“Министр-президент от имени народа осуществляет право на помилование” – ч. 1 ст. 109 Конституции германской земли Гессен).

²⁰ См.: Конституционное право. Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. С. 218.

¹⁸ См.: Конституционное право. Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. М., 2001. С. 218.

которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества; 4) различные формы исторических общностей (племя, народность, нация); 5) совокупность элит той или иной страны, сформировавшихся и обнаруживаемых во всех существенных социально значимых отношениях²¹.

В социологическом понимании *народ* – это слои и классы общества, которые на данном историческом этапе участвуют в решении задач общественного развития²².

Под *нацией* (от лат. *natio* – род, рождение, происхождение, народ) понимается: 1) синоним понятия “арод” 2) синоним понятия “осударство” именно в этом смысле используется, например, в названии универсальной международной организации по поддержанию мира – Организации Объединенных Наций; 3) этническая общность. Несовпадение содержания терминов “народ” и “нация” послужило для различных концепций суверенитета – народного и национального.

Отсюда можно сделать вывод, что понятия “нация” и “народ” могут совпадать, однако чаще всего народ состоит из множества живущих на территории одной страны наций; в связи с этим именно народ, а не конкретная нация является носителем суверенитета и обладателем права на “перезагрузку” политической системы в случае ее глобального сбоя.

В годы Великой французской революции (1789–1791 гг.) “нация” означала страну, государство²³. И тогда же были введены понятия “национализм”, “принцип национальности”, согласно которым каждый народ суверенен и имеет право на образование своего государства. “Нация” и “государство” по своему смыслу были сближены именно на базе этнического значения²⁴.

В Германии, напротив, сохранялось этническое значение нации. В этом смысле из трудов И. Шиллера, И. Фихте, К. Маркса и Ф. Энгельса терминология перекочевала в русскую и советскую литературу²⁵. То же можно сказать о Швейцарии и Бельгии²⁶. Близки к подобному пониманию были К. Каутский и О. Бауэр, через труды которых эта терминология дошла до социал-демократов

России, а затем и до большевиков, распространив свое влияние на всю первую половину XX в.

Например, О. Бауэр выделял в “нации” общую культуру, общий язык, общность судьбы, происхождение²⁷. Для К. Каутского были важны культура, язык и территория²⁸. Кстати, именно воззрения О. Бауэра и К. Каутского, с которыми солидаризировался В.И. Ленин, стали со временем базой сталинского определения нации. Для И.В. Сталина нация – это исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в особенностях культуры. При этом он поставил условие: “достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией”²⁹. В.И. Ленин при характеристике нации выделял территорию, экономику и язык³⁰. Но впоследствии в теории о национальном вопросе в СССР десятилетия господствовал взгляд Сталина³¹.

Понятия нации и национальных движений являются для Запада ключевыми с момента своего возникновения в XVIII столетии. В XX в. эти понятия сделались ключевыми для всех человеческих обществ³². “Притязания нации на интересы индивида, – писал И. Берлин, – основываются на том факте, что исключительно жизнь нации и ее история придают смысл всему, что представляет собой и что делает каждый ее представитель”. Берлину вторит Дж. Мак: “Существует лишь несколько идеалов, за которые человек готов убивать других и добровольно отдать собственную жизнь. Один из таких идеалов – нация и ее защита в случае какой-либо угрозы”³³.

Однако идентичность нации не является величиной постоянной, а национализм – далеко не самая убедительная идеология на свете. Нация возникает, лишь когда группа людей признает себя нацией; а воззрения этих людей на собственную общность могут быть весьма переменчивыми.

²¹ См.: *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 135–142.

²² См.: *Каутский К.* Национализм и интернационализм. Пг., 1918. С. 7–33.

²³ *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939. С. 6.

²⁴ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.

²⁵ См.: *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000. С. 44.

²⁶ См.: *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. М., 2004. С. 216.

²⁷ *Berlin I.* Nationalism: Past Neglect and Present Power // *Partisan Review*. 1979. 46 (№ 3). P. 348; *Mack J.* Nationalism and the Self // *The Psychohistory Review*. 2 (Spring 1983). P. 47, 48.

²¹ См.: *Философский словарь*. М., 2008. С. 189.

²² См.: *Социологический словарь*. М., 2009. С. 253.

²³ См.: *Тишков В.А.* О нации и национализме // *Свободная мысль*. 1996. № 3.

²⁴ См.: *Французская буржуазная революция*. М., 1941. С. 537.

²⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 54, 55.

²⁶ См.: *Ренан Э.* Что такое нация? СПб., 1888.

Вдобавок значимость приверженности нации в сравнении с прочими лояльностями может значительно колебаться на протяжении времени.

Иными словами, человек (народ) – это часть структуры гражданского общества, базовый элемент (“атом”) этой системы. Гражданское общество, на наш взгляд, – это не только совокупность (организованная во времени и общественно-политическом пространстве) взаимодействующих друг с другом и развивающихся (в том числе самоорганизовывающихся и организованных государством) элементов, но и часть государства в самом широком его смысле, а также часть системы общественно-политической организации государственной власти.

В такой постановке проблема определения и изучения гражданского общества как высшей формы организации народа получает новую интерпретацию.

Например, одни авторы, в частности Л.С. Мамут, следуя широкому пониманию гражданского общества, подчеркивают, что в основе такого общества лежат экономические, исторические, социокультурные, языковые, этнические, конфессиональные, территориальные, этические отношения, т.е. условия жизни людей, в которых происходит реализация их партикулярных интересов и где нет места субординации³⁴. Отсюда гражданское общество – ипостась любого цивилизованного (базирующегося на общественном разделении труда) человеческого общества. Оно было, есть и всегда будет. Другое дело, что всякий раз гражданское общество выступает в определенной конкретно-исторической форме. К тому же отличительной чертой гражданского общества является такая его архитектоника, как наличие определенных горизонтальных связей, а не организации со всеми присущими ей атрибутами³⁵.

Другие исследователи, например В.А. Четвернин, полагают, что гражданское общество – это сфера свободной, автономной активности, в которой действуют индивидуальные и коллективные субъекты, преследующие свои частные цели и интересы, и что отношения между ними не опосредованы публичной властью³⁶. И это общество, в котором все становятся в равной мере свободными, обладающими естественными и неотчуж-

даемыми правами. Таким образом, гражданское общество является сложной системой, предполагающей взаимодействие организованных субъектов – людей, групп, коллективов, сообществ, и это взаимодействие означает объединение людей по социально-групповому, организационному и поселенческому принципам³⁷.

Степень диссоциации общества наилучшим образом раскрывается понятием “аномия” (буквально – отсутствие закона). Понятие “аномия”, которое ввел в оборот французский социолог Э. Дюркгейм, характеризует состояние общества, в котором преобладает равнодушие к законам вследствие утраты уважения и доверия к ним со стороны большинства населения. И как результат – либо их несоблюдение, либо злостное нарушение³⁸.

Одна из главных причин аномии – господство в обществе ценностей индивидуального успеха, прежде всего богатства и власти, которые часто достигаются противозаконным путем. Поскольку большинство людей не могут позволить себе ни того, ни другого, возникает негативное отношение к существующим социальным нормам, дающим преимущества одним и лишаящим их других. У многих появляется ощущение своей социальной невостребованности и ненужности, чувство пустоты жизни, крушения моральных устоев и целей. Особенно ярко аномия проявилась в 90-е годы в российском обществе, ее проявления очевидны и в настоящее время.

Именно с этим связан рост настроений авторитаризма, политического, национального и религиозного экстремизма, ксенофобии и т.п. Масштаб аномии не связан с законодательной деятельностью: законов, в том числе хороших и строгих, может быть много, но в стране это ничего не меняет.

Определяющим моментом становления гражданского общества является *социальная ответственность*. Ее роль заключается в том, что ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, организаций в обществе. Это особенно важно в российских условиях, где крайне сложно проходит процесс разграничения общественного, государственного и личного. Речь в данном случае об уже упоминавшемся критерии

³⁴ См.: Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 101.

³⁵ См.: Гражданское общество, правовое государство и право. С. 31.

³⁶ См.: Четвернин В.А. Общество и государство // *Феноменология государства*. Вып. 2. М., 2004. С. 20.

³⁷ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. С. 285, 315, 329; Четвернин В.А. Указ. соч. С. 22.

³⁸ См., например: Сорокин В.В. Проблемы толкования права в современном гражданском обществе // *Гражданин и право*. 2010. № 6.

относимости к гражданскому обществу – следованию общезначимым интересам, в русле которых лежит и социальная ответственность.

Более того, ни о какой социальной ответственности населения в России сегодня говорить не приходится. Во многом это объясняется отсутствием социальной защищенности самого населения, кризисом самоидентификации среднего и низшего классов, отсутствием четкой и понятной стратификации общества, невозможностью государства реализовывать гарантированные законодательством (Конституцией России – в первую очередь) социальные права и свободы человека и гражданина, что вызывает встречную негативную реакцию населения по отношению к власти, порождая правовой нигилизм и безразличие к происходящему в стране.

В известной мере можно говорить и о том, что единого народа-нации в современной России пока еще нет, а значит, не существует и полноценного источника государственной власти. На фоне этого формируются предпосылки произвольного толкования властью воли народа, в том числе в ходе выборов.

Если нет основы народа – гражданского общества, а то, что есть, либо крайне слабо и неразвито, либо искусственно сформировано государством, то и о правовой государственности также говорить пока преждевременно. Наличие множества быстро меняющихся законов – это отнюдь не наличие подлинного права, которое имеет куда более глубокие социальные и политические основания, чем однобокая и чаще всего неуклюжая в плане законодательного выражения общезначимых социальных интересов деятельность российских органов представительной власти, формируемых на основе весьма далекого от демократических образцов избирательного законодательства.

Если обратиться к лозунгам и политическим декларациям, в которых так или иначе эта тема затрагивается, то понятия “народ” и “гражданское общество” в России, к сожалению, рассматриваются как не зависящие друг от друга и не взаимосвязанные. Более того, народ политиками рассматривается исключительно как электорат, интересующий их только накануне выборов. И это опять же следствие крайней слабости подлинного гражданского общества, имеющего политическое выражение в народе. В целом власть, оперируя понятиями “народ” и “гражданское общество”, либо не стремится разобраться в их сути, запутываясь и запутывая окружающих, либо, что тоже весьма вероятно, в какой-то мере намеренно ма-

нипулирует ими, в том числе и в политической практике.

Состояние аномии тесно связано с другим разрушительным для всякого общества явлением – *люмпенизацией народа* – по сути своей процесса, обратного формированию гражданского общества, связанного опять-таки с социологическим понятием “кризис самоидентификации”.

Еще Гегель отмечал, что в тех случаях, когда образуется пропасть между несметными богатствами на одном полюсе общества и нищетой – на другом, жизнь многих людей оказывается ниже необходимого уровня существования. Это, в свою очередь, ведет к утрате ощущения возможности обеспечивать свое существование собственным трудом и порождает паразитизм и социальное иждивенчество³⁹.

Рост обнищания и люмпенизации вызывает у многих людей внутреннее озлобление, направленное не только против богатых, но и против общества в целом, против правительства, чиновников, политиков и т.д. Все это, как правило, ведет к росту противоправных настроений и действий, конечно, не способствуя, развитию правосознания и гражданского общества.

Можно добавить к этому следующее: если гражданское общество толковать буквально как совокупность граждан страны, их качественное и регулируемое общепризнанными в данном обществе социальными регуляторами взаимодействие друг с другом и с государством, то народ страны, еще не осознавший возможности саморегулировать свои социально-экономические потребности и не выработавший пригодных для этого социальных регуляторов, можно считать начальной ступенью на пути развития от народа к гражданскому обществу. Таким образом, одним из рецептов “ускорения” такого развития от народа к гражданскому обществу может быть усиление социальных связей внутри общества, которое политически оформляется в народ. О социальной системе гражданского общества и обо всем, что с этим связано, речь пойдет ниже.

Можно говорить также об “активном” или “пассивном” гражданском обществе. Поскольку гражданское общество есть сфера действия эгоистических интересов индивидов, более того, “войны всех против всех”, то применение по отношению к нему слова “активное” следовало бы по логике вещей понимать в смысле особо активного ведения этой самой “войны”. Если же речь идет о со-

³⁹ См.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 234.

стоянии гражданского общества, то о нем больше может сказать степень его диссоциации. Гражданское общество как сфера господства частного, эгоистического интереса, будучи неподконтрольным государству и полностью предоставленным самому себе, движется в направлении анархии.

Гражданское общество как социальная система

Основным компонентом любой социальной системы всегда выступает человек как социальное существо. Как верно писал В.Г. Афанасьев, человек есть последний, в известном смысле слова элементарный носитель социального системного качества. В то же время, будучи компонентом любой социальной системы, воплощением ее сущности, человек есть лишь часть социальной системы. Только будучи включен в определенную общественную систему, индивид обретает свою социальную сущность⁴⁰.

Действительно, опираясь на эту научную теорию, применительно к рассматриваемой в статье проблеме можно сделать следующий важный вывод: если человек является компонентом (элементом) социальной системы, то его нахождение в ней предполагает выполнение человеком определенных функций в этой системе, которые, во-первых, структурно связывают его с системой, во-вторых, меняют саму систему. Таким образом, и человек в отдельности и сама система в целом развиваются, обретая новые качества. Чем развитие конкретного человека в его взаимодействии с другими людьми (элементами системы) будет интенсивнее, тем быстрее будет совершенствоваться сама система.

Иными словами, на наш взгляд, чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества.

Самоорганизация граждан и наличие неконтролируемых государством сфер так называемой гражданской активности (повторим, что в этом случае государство делает определенные волевые усилия по самоограничению собственной власти во имя полноценного развития всей системы) являются важными симптомами благополучного развития всей системы, сравнимыми с наличием иммунитета в организме. Иными словами, чем больше возможностей предоставляет государство

как управляющий субъект, являющийся частью системы (государство – общество), управляемому объекту (гражданскому обществу) в сфере самоидентификации и самоорганизации, тем меньше риск “заболевания” всей системы как единого организма, части которого могут влиять друг на друга. Именно государство в данном случае может являться как рычагом, так и тормозом всего процесса. В современной России это особенно актуально, ведь политическое устройство, как верно отметил Р.Г. Абдулатипов, – это один из элементов отражения социального опыта народов страны и культурного, цивилизованного устройства форм их развития и взаимодействия⁴¹.

На наш взгляд, построение государством “сверху” в условиях его общей неразвитости и наличия массовых стереотипов советского тоталитаризма в общественном сознании гражданского общества имеет ряд плюсов, хотя бы с позиций метода системного анализа.

Во-первых, государству (и не только ему) легче управлять обществом как подсистемой, когда основные элементы системы (государство – общество) упорядочены, соотнесены друг с другом, когда понятны их внутренние связи и соподчиненность. Сложнее (и почти невозможно) управлять хаосом, беспорядком, в котором управляемые элементы разрозненны и не имеют четких связей друг с другом.

Во-вторых, в современной России, где проживают более 200 различных народов и этнических групп, различающихся по языку, самобытным особенностям своей материальной и духовной культуры, конфессиональной принадлежности, необходимость “управляемой свободы” очевидна и вполне логична. Государство не просто является регулятором и реформатором данной сферы, но и сам факт государственного вмешательства в процессы формирования институтов гражданского общества – процесс во многом естественный и неизбежный с учетом исторических традиций нашей страны. Россия – это община, как продукт эволюции сообщества народов, это и общность, как совокупность людей, имеющих общую историю, на базе которой формируются общие духовно-нравственные признаки. Взаимовлияние культур и традиций многих народов шло веками вокруг русского этноса⁴².

Тем не менее нельзя забывать и об ответственности власти, стремящейся создать институты гражданского общества, поскольку этот в

⁴⁰ См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 23.

⁴¹ См.: Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. С. 33.

⁴² См.: там же. С. 27.

общем-то позитивный процесс может быть использован в качестве особого инструмента государственного управления, для манипулирования объективными процессами в социуме, где при наличии демократических предпосылок, сколько бы слабыми они ни были, гражданское общество неизбежно вырастает и снизу. Поэтому в идеале приоритет в государственном управлении должен быть отдан именно содействию в формировании гражданского общества, а не в административном создании его институтов, удобных власти.

Подводя некоторые итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, человек (народ) – это часть структуры гражданского общества, базовый компонент этой подсистемы, управляемой в основном государством. Гражданское общество – это не только совокупность элементов и даже не просто подсистема (организованная во времени и общественно-политическом пространстве совокупность) взаимодействующих друг с другом и развивающихся (в том числе самоорганизовывающихся и организованных государством) элементов, но и часть государства в самом широком его смысле, и часть поглощающей эту подсистему системы общественно-политической организации. Границы гражданского общества и государства не имеют субъектного выражения, а определяются общественными отношениями, в которых возникают, существуют и развиваются до уровня политического общезначимые интересы, и их воплощением в политических и государственных институтах.

Во-вторых, медленное развитие в России институтов гражданского общества вызвано в том числе отсутствием у населения страны социальной ответственности и кризисом самоидентификации личности, отдельных социальных групп и общества в целом. Ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, организаций в обществе, а значит, является индикатором возможности саморегулирования обществом своих отношений, их социокультурной и экономической трансформации (без привлечения к этому процессу государства или при минимальном привлечении последнего).

В-третьих, чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества.

В-четвертых, участие государства в формировании российского гражданского общества должно быть весьма взвешенным. Его следует контролировать независимыми общественными институтами, чтобы не допустить манипулирования процессом формирования гражданского общества в интересах самой власти. А для этого власть должна осознать важность и необходимость самоограничения, пойти во многом против своей природы. Особенно это касается тоталитарных традиций государственного управления в России.